

CONCERT REVIEW

Dmitri Hvorostovsky gives a stunning performance, reminding us why his is a rare talent

ROBERT HARRIS
SPECIAL TO THE GLOBE AND MAIL
PUBLISHED FEBRUARY 22, 2016

When the beauty and power of music is joined to the charisma of a commanding presence on a stage, art is embodied in a physical way, giving it a new depth and resonance.

Russian baritone Dmitri Hvorostovsky, with his silver mane, and majestic appearance, has long been the model of a charismatic performer. But he added a special poignancy to that presence on Sunday night with his stunning recital in Koerner Hall as he presented a taxing, lyrical recital of mainly Russian songs. The extra dimension? Hvorostovsky, 53, and one of the great voices of his generation, revealed last June that he was receiving treatment for a brain tumour. He has had to cancel many engagements, but presented this recital, with pianist Ivori Ilja here, as well as in Chicago and New York.

Great artists like to hide the struggles they contend with in making their art, but Hvorostovsky's illness made the charisma of this charismatic artist all the more telling, as the mask of potency that is the artist's shield, became a bit more transparent and tender. A bit shaky at times, holding onto the piano for comfort or support, thinner than we've seen him, Hvorostovsky's determination and artistic instinct nonetheless carried him through the program with style, suppleness, grace and verve. By the time we reached the five songs by Richard Strauss with which the Russian baritone ended the program, and his strength increasing with each number, any lingering doubts about the health of Hvorostovsky's art had long been put to rest.

Before those Strauss songs, Hvorostovsky's recital had taken us on a tour of the relatively neglected world of 19th-century Russian art song, with selections by Glinka,

Rimsky-Korsakov and Tchaikovsky. The work of all three composers was a revelation. Glinka's songs, rare as they are, showed a surprising variety of tone and style. Rimsky-Korsakov's settings of texts by Tolstoy and Pushkin were lifted out of the conventional by musical excellence. And Tchaikovsky's unjustly neglected songs shone brightly, no surprise for one of the great melody writers of Western music.

In all of this repertoire, Hvorostovsky reminded us of why his is a rare talent. Full-voiced when he needed to be (although with perhaps a little less resonance than in the past), slimming down to a whisper in a second, he showed his immense musical intelligence in the way he shaped his phrases and lines. Even if we couldn't understand the words, Hvorostovsky let us know exactly what a song was about, just through musical expression alone. And his fabled breath control, his ability to shape a note and clothe it in various colours all on a single breath, was in great evidence.

However, it was perhaps in the Strauss lieder that Hvorostovsky's art was at its peak. His exquisite Morgen, (Morning), with a sensitive and beautiful introduction by accompanist Ilja, shone with the muted mists of daybreak. Befreit was joyous and ecstatic; Cacilie boisterous and sly. Now in full voice, his confidence and power increasing with every selection, Hvorostovsky completed his evening's task – to make music with all his usual charisma, despite his unusual circumstances.

The Koerner Hall audience, packed to the rafters, and with at least 100 people seated onstage, loved every minute of Dima's recital, and him as well. By the time the encores began, Hvorostovsky, waving and smiling to the audience, was surrounded by at least 15 enormous bouquets of flowers. Putting them on the floor, he ended the evening a cappella, with a Russian folk song, clearly enjoyed by the large Russian contingent in the audience.

And the concert had come full circle. In the end, we were left with simply the voice of one person, emanating from one human body, with its strengths and frailties, speaking to us all.

Special to The Globe and Mail

[Dmitri Hvorostovsky gives a stunning performance, reminding us why his is a rare talent - The Globe and Mail](#)

ПЕРЕВОД

Дмитрий Хворостовский даёт потрясающий концерт, напоминая нам, почему у него исключительный талант

Роберт Харрис

Специально для **The Globe and Mail**

22 февраля 2016 года

Когда красота и сила музыки соединяются с харизмой уверенного существования на сцене, искусство воплощается физически, получая новую глубину и резонанс.

Русский баритон Дмитрий Хворостовский с серебристой гривой волос и завораживающей внешностью давно стал образцом харизматичного исполнителя. Но он добавил особую пронзительность этому в воскресенье вечером своим потрясающим концертом в Koerner Hall, когда он представил серьёзный лирический концерт в основном русских романсов. Дополнительное измерение? 53-летний Хворостовский, один из величайших голосов своего поколения, в июне прошлого года сообщил, что лечится от опухоли головного мозга. Ему пришлось отменить много контрактов, но он представил этот концерт с пианистом Ивари Илия здесь, а также в Чикаго и Нью-Йорке.

Великие художники любят скрывать трудности, которые они преодолевают, создавая своё искусство, но болезнь Хворостовского сделала привлекательность этого харизматичного артиста ещё более выразительной, так как аура силы, которая является щитом художника, стала немного более прозрачной и хрупкой. Временами слегка неуверенный, держась за рояль для удобства или поддержки, он выглядел более худощавым, чем обычно. Но решимость и артистическая чуткость Хворостовского провели его через всю программу со стилем, изяществом и энергией. Его сила возматала с каждым номером, и когда русский баритон заканчивал программу пятью романсами Рихарда Штрауса, все сомнения в здоровье творчества Хворостовского давно были отброшены.

До этих песен Штрауса концерт Хворостовского повёл нас в турне по довольно забытому миру русского романса 19-го века с подборками Глинки, Римского-Корсакова и Чайковского. Произведения всех трёх композиторов были откровением. Редко исполняемые песни Глинки отличались удивительным разнообразием тона и стиля. Сочинения Римского-Корсакова на тексты Толстого и Пушкина были подняты над обыденностью музыкальным

совершенством. И незаслуженно забытые песни Чайковского ярко сияли, что неудивительно для одного из великих мелодистов западной музыки.

Этим репертуаром Хворостовский напоминал нам, почему он редкий талант. Уменьшал до шопота в секунду полный голос (хотя, возможно, с немного меньшим резонансом, чем в прошлом), когда это было необходимо. Он показывал свой безмерный музыкальный интеллект и в том, как он формировал свои фразы и линии. Даже если мы не могли понять слов, Хворостовский давал нам точно знать, о чём песня, просто через музыкальную выразительность. И его легендарный контроль дыхания, его способность формировать ноту и облекать её в различные цвета на одном дыхании были на месте.

Однако, возможно, именно в песнях Штрауса искусство Хворостовского достигло своего пика. Его изысканный *Morgen*, с чутким и красивым вступлением аккомпаниатора Илии, сиял приглушенными туманами рассвета. *Befreit* был весел и восторжен, *Sacilie* – оживлённая и озорная. Теперь в полный голос, с каждой песней усиливая уверенность и мощь, Хворостовский выполнил свою задачу этого вечера – создавать музыку со всей присущей ему харизмой, несмотря на необычные обстоятельства.

Заполненный до потолка *Koerner Hall* и не менее 100 человек, сидевших на сцене, любил каждую минуту выступления Димы, да и его самого тоже. К тому времени, как начались бисы, Хворостовский, махая и улыбаясь зрителям, был окружён по меньшей мере 15 огромными букетами цветов. Поставив их на пол, он закончил вечер русской народной песней а капелла, явно понравившейся многочисленным русским зрителям в зале.

И концерт завершился. В конце мы остались только с голосом одного человека, с его силой и хрупкостью, говорящим со всеми нами.

Перевод с английского Н.Тимофеевой